

АРХЕОЛОГИЯ

УДК 902

**КУВШИНЫ С «ПЫШНЫМ» ОРНАМЕНТОМ
(ФУНКЦИОНАЛЬНОЕ НАЗНАЧЕНИЕ И СЕМАНТИКА ДЕКОРА)**

Л.Б. Гмыря
Институт ИИАЭ ДНЦ РАН, Махачкала

lgmyrya@mail.ru

Аннотация: В статье рассмотрена семантика сложной орнаментальной композиции керамических кувшинов, производившихся во II–III вв. н.э. в ремесленных мастерских регионального экономического, культурного и религиозного центра Северного Дагестана, который сопоставляется исследователями с крупным городищем II–VIII вв. на р. Акташ (Андреаульское). Автор полагает, что орнаментальная композиция кувшинов этого типа (Рис. 2–6) представляет собой схематическое изображение вертикальной модели мира, т.е. включает в себе мировоззренческие представления населения в сарматский период.

Annotation: In the article it is considered semantic of complicated ornamental composition of ceramic jugs which were made at II–III c. AD in craft workshops of the regional economic, culture and religious centre of the North Daghestan, which was compared with a large hill fort of II–VIII c. at Aktash river (Andrei Aul site). The author supposes, that ornamental composition of this type (Fig. 2–6) is the schematic image of world vertical model, so it contains world look conception at the Sarmat's period.

Ключевые слова: Прикаспийский Дагестан, р. Акташ, Андреаульское городище, сарматы, кувшины с «пышным» орнаментом.

Keywords: Littoral Daghestan, Aktash river, Andrei Aul site, the Sarmats, jugs with «pompous» ornament.

Высококачественные тонкостенные кувшины с буроватой залощенной поверхностью, украшенные многодетальной орнаментальной композицией, получившие в литературе обозначение кувшины с «пышным» орнаментом (Гмыря Л.Б., 1980), являлись своеобразной «визитной карточкой» материальной культуры населения долины р. Акташ (Северный Дагестан) в период II–III вв. В окрестностях с. Эндери (бывш. Андреаул), находящегося в среднем течении р. Акташ, в месте ее выхода из предгорьев на Прикаспийскую низменность, выявлено пять археологических объектов, вещественные комплексы которых включали керамические кувшины с «пышным» орнаментом (Андреаульское городище, Андреаульский грунтовый 1-й могильник, Андреаульский курганный 1-й могильник, Андреаульский грунтовый 2-й могильник, Андреаульский курганный 2-й могильник) (Рис. 1 №№ 8–10).

В нижнем слое (II–III вв.) Андреаульского городища (II–VIII вв.) выявлено около 300 фрагментов кувшинов с «пышным» орнаментом и обломки одного кувшина крупного размера. Из могильных комплексов некрополей этого городища происходят семь целых сосудов и 24 обломка. Несколько сосудов найдены при строительных работах в окрестностях Андреаульского городища (Гмыря Л.Б., 2000. С. 148). Кувшины с подобной орнаментацией, первый из которых был обнаружен 115 лет назад в одном из погребений Большого Буйнакского кургана (Zakharov A.A., 1930. Р. 183–216. Fig. 24), представлены и на других памятниках равнинно-предгорной зоны Дагестана (Гмыря Л.Б., 2000. С. 145–149. Рис. 1), но в единичных экземплярах (Рис. 1 №№ 11–19). Совокупная коллекция с этих памятников включает два кувшина из могильных комплексов и несколько десятков фрагментов из культурных слоев поселений.

Ареал кувшинов с «пышным» орнаментом не ограничивается территорией Западного Прикаспия. Кувшины с аналогичной орнаментацией выявлены в восточных районах Чечни (мог.

Галайты-2), в Заволжском районе низовий Волги (мог. Бережновский I и II, Политотдельский), в Волго-Донском междуречье (мог. Верхний Колышлей, Барановка I, Лебяжье). Один сосуд происходит из Башкирии (мог. Елембетово) (См.: *Гмыря Л.Б.*, 2000. С. 146–147, 149. Рис. 1 и др.) (Рис. 1 №№ 1–6, 20).

В целом, ареал находок кувшинов, украшенных «пышным» орнаментом, довольно широк. Он охватывает огромную территорию – от Южного Приуралья на северо-востоке до Волго-Донского междуречья на западе, левобережья нижнего течения Волги на востоке и Западного Прикаспия на юге (Рис 1). Однако памятники, включающие подобную керамику, покрывают эту территорию не сплошь, а сконцентрированы в четырех локальных группах, между которыми в основном простираются тысячекилометровые пространства.

Количественно серия кувшинов, украшенных «пышным» орнаментом, распределяется по локальным группам неравномерно: Южное Приуралье – 1 сосуд, Волго-Донское междуречье – 3 сосуда, Заволжье – 3 сосуда, Прикаспийский Дагестан – 10 сосудов и свыше 300 их обломков, Чечня – 4 сосуда и 1 крупный обломок. Основные находки сосредоточены в Прикаспии, причем, они, в отличие от других регионов, происходят не только из погребальных комплексов, но и культурных отложений поселений.

Несомненно, долину среднего течения р. Акташ (предгорье и контактную зону степей) следует признать основным районом средоточия памятников с сосудами этого типа (на отрезке протяженностью 15 км выявлено 6 памятников) (*Гмыря Л.Б.*, 2000. С. 149). Андреяульское городище определено М.П. Абрамовой как центр производства кувшинов с «пышным» орнаментом, откуда эта керамика распространялась, по ее мнению, на сопредельные территории Прикаспия, а также попадала к сарматам Поволжья (*Абрамова М.П.*, 1987. С. 71). На наш взгляд, нахождение однотипных сосудов в регионах, удаленных от центра производства на огромное расстояние (к примеру, Прикаспийский Дагестан и Южное Приуралье разделяют около 2 тыс. км), недостаточно объяснить только экономическими причинами. Необходимо осмысление комплекса проблем, в том числе идеологического фактора в жизнедеятельности древнего общества. На территории распространения кувшинов с «пышным» орнаментом могло обитать население с близкими мировоззренческими представлениями, обуславливающими использование сходной религиозной атрибутики. Кувшины с «пышным» орнаментом, несомненно, принадлежали к предметам отправления верований населения. В пользу этого говорит как сложная структура орнаментальной композиции, украшавшей сосуда, так и длительность их функционирования в Прикаспии с практически неизменным декором (*Гмыря Л.Б.*, 1997. С. 20; 1998. С. 35).

Кувшины, составляющие серию «пышноорнаментированных», однотипны по форме. Технология выделки этих кувшинов идентична. Сосуды снабжались ручкой двух типов: гребенчатой или реберчатой (*Гмыря Л.Б.*, 1980. С. 114–115, 120. Рис. 5, 6–10; Рис. 8, 11–17; 1987. С. 18–19; 1998. С. 34–35; 2000. Рис. 2).

Орнамент, размещавшийся на тулове кувшинов, также однотипен, несмотря на его варибельность (*Гмыря Л.Б.*, 1980. С. 115, 122. Рис. 9, 1–5; 1998. С. 34–35; 2000. Рис. 2, 1–11; Рис. 3, 9; Рис. 4, 1).

Несмотря на различия в деталях, орнаментация названных кувшинов, на наш взгляд, является цельной композицией, имеющей, вероятно, сюжетную основу (*Гмыря Л.Б.*, 1997. С. 20; 1998. С. 35). М.Г. Мошкова, говоря о кувшинах этой серии из погребений Заволжья, признавала их декор «интересным», отмечая при этом его «стандартность» (*Мошкова М.Г.*, 1989. С. 181). Под стандартностью исследователь, как нам представляется, понимала ни шаблонность и трафаретность изобразительных приемов, а непереносимое следование появившемуся когда-то образцу. Орнаментальная композиция, помещавшаяся на эти сосуды, как, впрочем, и декор сосудов в целом, вероятно, были канонизированы. Основные элементы орнамента оставались неизменными, несмотря на определенную варибельность в целом, на протяжении более пятисот лет (*Гмыря Л.Б.*, 1997. С. 20).

По нашим подсчетам, серия кувшинов с «пышным» орнаментом насчитывает к настоящему времени 20 целых сосудов и свыше 300 определяемых фрагментов. Подобная керамика обнаружена на 25 памятниках: 17 могильниках и 8 поселениях (Рис 1), причем 18 археологических объектов находятся в Западном Прикаспии (Прикаспийский Дагестан).

Кувшины с «пышным» орнаментом привлекаются исследователями при характеристике историко-культурного развития племен Евразийских степей в сарматское время, а также населения Восточного Предкавказья в сарматский и гунно-хазарский периоды (*Синицин И.В.*, 1959; 1960; *Смирнов К.Ф.*, 1959; *Абрамова М.П.*, *Магомедов М.Г.*, 1980; *Абрамова М.П.*, 1987;

Пиеничнюк А.Х., 1983; Мошкова М.Г., 1989; Скрипкин А.С., 1990; Гмыря Л.Б., 1980; 1997; 2000; 2008; Сергацков И.В., 1992; Багаев М.Х., 2008). Однако их использование сопряжено с рядом неразработанных вопросов: не объяснены причины отсутствия целостности ареала этого типа сосудов со значительным разрывом между локальными территориями; полемичными остаются вопросы хронологии кувшинов с «пышным» орнаментом и их первичном ареале; не разработана типологическая классификация всей серии сосудов; не определены функциональное назначение этих сосудов; не раскрыта семантика орнаментальной композиции и декора составных частей кувшинов. Некоторые из этих проблем подняты нами в докладах на международных конференциях (Гмыря Л.Б., 1997. С. 17–21; 1998. С. 34–35), одна из них, касающаяся ареала кувшинов с «пышным» орнаментом, освещена в специальной статье (Гмыря Л.Б., 2000. С. 146–151. Рис. 1–5). Другие проблемные вопросы рассмотрены нами в рукописной работе «Художественная керамика Дагестана I–VII вв.» (Гмыря Л.Б., 2012. С. 17–78).

В настоящей статье главное внимание уделено определению функционального назначения кувшинов с «пышным» орнаментом и семантики их декора. Уточнен также ареал этих сосудов, в который включены находки с территории Чечни, затронуты вопросы их хронологии, типологии орнаментальной композиции и этнокультурной принадлежности.

В статье, посвященной ареалу кувшинов с «пышным» орнаментом (Гмыря Л.Б., 2000. С. 145–159), выделены четыре локальные группы памятников, содержащие в инвентаре сосуды этого типа (Гмыря Л.Б., 2000. С. 149. Рис. 1). К настоящему времени после полной публикации материалов могильника Галайты-2 (Багаев М.Х., 2008. С. 197–212. Рис. 4–92), находящегося в восточных районах Чечни, выяснилось, что в долине р. Аксай помимо Аксайского поселения, где среди сборов М.Г. Магомедова находилась керамика с «пышным» орнаментом (Магомедов М.Г., 1972. Рис. 63) (Рис. 1 № 13), имеется также крупный грунтовый могильник с подобными находками (Рис. 1 № 20).

Грунтовый могильник Галайты-2 с широким хронологическим диапазоном погребений в каменных ящиках и грунтовых могилах (VI в. до н.э. – II в. н.э.) был открыт в 1974 г. на правом берегу р. Аксай, вблизи с. Галайты при прокладке нового участка дороги между с. Галайты в Чечне и Тухчар в Дагестане. В 1974, 1977, 1978 и 1985 гг. М.Х. Багаевым было исследовано на могильнике 71 погребение (61 каменный ящик и 10 грунтовых могил). Краткая информация о раскопках этого могильника помещена автором в «Археологических открытиях» 1975, 1978, 1979, 1981 гг. Полностью материал этого памятника опубликован в монографии М.Х. Багаева «Культура горной Чечни и Дагестана» в 2008 г. (Багаев М.Х., 2008).

В 3-х погребениях этого могильника (каменные ящики) – №№ 3(5), 6(14) и 66 были представлены наряду с другими типами сосудов и кувшины с «пышным» орнаментом, снабженные реберчатыми ручками (Багаев М.Х., 2008. С. 197–198. Рис. 7, 3, 16–17; Рис.10,6; Рис. 81,5).

В погребении № 3(5) из раскопок 1974 г. находилось 3 экз. кувшинов с «пышным» орнаментом (Багаев М.Х., 2008. Рис. 7, 3, 16–17) и керамическая курильница на высокой ножке, орнаментированная на внутренней стороне широкого, отогнутого бортика и по тулову заштрихованными треугольниками. Погребение ограблено, костные останки погребенного неполные, они лежали без анатомического порядка. В одном из кувшинов с «пышным» орнаментом находился металлический инвентарь и бусы.

Автор привел очень лаконичное описание кувшинов с «пышным» орнаментом из этого погребения: «Сероглиняный кувшин, фрагментированный, с насечным орнаментом на тулове и на ручке и еще два точно таких же кувшина» (Багаев М.Х., 2008. С. 197–198). Кувшины этого погребения орнаментированы полной версией композиции: два ряда косых насечек по основанию горловины, дополненные отпечатками круглого штампа; зигзагообразная линия из косых насечек – на плечиках сосудов; отходящие от нее вертикальные валики с круглыми налечами на конце, украшенные косыми насечками – на тулове. Такие же валики у двух кувшинов были и у основания ручек. Особенности декорирования кувшинов из этого погребения автором не отмечены (Рис. 6, 1–3).

Погребение № 6(14) этого же года раскопок было парным (взрослый человек и ребенок). Оно содержало богатый инвентарь, в том числе 5 керамических сосудов – 3 миски, горшок и верхняя часть (горловина с частью тулова с ручкой) кувшина, украшенного неполной версией «пышного» орнамента (Багаев М.Х., 2008. С. 198. Рис.10,6). Описание его орнаментации также лаконично: «... фрагмент тонкостенного сероглиняного кувшина с орнаментом в виде розеток и насечек по тулову, горлу и ручке...» (Багаев М.Х., 2008. С. 198). Сосуд украшен по основанию горла косыми

насечками, круглыми оттисками трубочки и налепами калачиковидной формы; горловина сосуда украшена оттисками трубочки, из которых составлены вертикальные ряды. Рисунок сосуда в публикации выполнен небрежно, форма ручки передана как ленточная, ее декор определить трудно (Рис. 6,5).

В погребении № 66 (исследования 1985 г.), вскрытого дорожными рабочими и доисследованного М.Х. Багаевым, сохранившийся инвентарь включал 9 экз. бус, керамический котел без ручек, миску и кувшин, украшенный «пышным» орнаментом (Багаев М.Х., 2008. Рис. 81,5). По описанию автора монографии, это был «... тонкостенный из серой глины кувшин с ручкой. От начала горлышка, вниз по тулову по всей поверхности опускаются лучеобразные линии, состоящие из мелких шарикообразных налепов. Высота кувшина 26 см» (Багаев М.Х., 2008. С. 211). Рисунок сосуда выполнен нечетко и выявить особенности его декора практически не возможно (Рис. 6,4).

Во второй главе исследования, посвященного анализу материалов могильника Галайты-2, М.Х. Багаев из 102 экз. сосудов особо выделил пять кувшинов с «пышным» орнаментом: «Особо привлекают внимание тонкостенные одноручные кувшины с цилиндрическим и чуть расширяющимся горлом и округлым туловом. Они украшены оригинальным узором – орнаментом, изготовленным методом налеха, насечки и вдавлений» (Багаев М.Х., 2008. С. 46). В описании орнамента этих сосудов указаны технологические приемы его выполнения (налеха, насечки, вдавления), но не отмечена цельность композиции как орнамента самого сосуда, так и декора его деталей (ручек).

Автором указаны некоторые аналогии этих сосудов с территории Дагестана – Ленинаульский грунтовый могильник, Андрейаульское городище и одноименный могильник, Большой Буйнакский курган, отмечено при этом со ссылкой на М.П.Абрамову (Абрамова М.П., 1979. Рис. 5,14–23) наличие таких сосудов «на других памятниках Кавказа» (Багаев М.Х., 2008. С. 46), что не соответствует действительности. На указанном рисунке в статье М.П. Абрамовой помещены сосуды из Мингечаура (Абрамова М.П., 1979. Рис. 5,14–16), но они другого типа, а также сосуды с территории Дагестана (Абрамова М.П., 1979. Рис. 5,17–20) и сосуды из Заволжья (Абрамова М.П., 1979. Рис. 5, 21–23).

М.Х. Багаев солидарен с М.П. Абрамовой, что в декоре кувшинов с «пышным» орнаментом проявилось влияние закавказских традиций, которое прослежено на основании способов их орнаментации (валики, насечки). Автор приводит ошибочный тезис о том, что «к настоящему времени кувшины рассматриваемого типа найдены только на предгорно-плоскостной территории Дагестана...» (Багаев М.Х., 2008. С. 46), т.е. автор не учитывает находки в Заволжье, Волго-Донском междуречье и Башкирии. М.Х. Багаев, ссылаясь на М.П. Абрамову, О.М. Давудова и М.М. Маммаева считает, что центр их производства находился в Терско-Сулакском междуречье (Багаев М.Х., 2008. С.46), вероятно, широко понимая под этим равнинные территории Северного Дагестана. Однако, основная масса находок кувшинов этого типа сосредоточена на узлокальной территории – в долине р. Акташ (городище Андрейаул и его могильники), о чем указано в ряде публикаций (Гмыря Л.Б., 1980; 1997; 1998; 2000). Следует также отметить, что М.М. Маммаев не рассматривал в своих работах кувшины с «пышным» орнаментом.

По вопросам датировки кувшинов с «пышным» орнаментом существуют разные мнения. Вне пределов Западного Прикаспия материалы погребальных комплексов, содержащих кувшины данного типа относят к среднесарматской культуре, однако в установлении конкретных дат наличествует широкий разброс мнений исследователей (Синицин И.В., 1959. С. 198–202; 1960. С. 100, 159; Смирнов К.Ф., 1959. С. 274; Абрамова М.П., 1979. С. 47; Мошкова М.Г., 1989. С. 181; Скрипкин А.С., 1990. Табл. 45; Табл. 46; Сергацков И.В., 1992. С. 141; Пиеничнюк А.Х., 1983. С. 117, 119, 131). Погребальные комплексы Прикаспийского Дагестана, в инвентарь которых входят кувшины с «пышным» орнаментом, датируются в основном в пределах I–III вв. н.э. (Абрамова М.П., 1979. С. 47; 1980. С. 116; 1987. С. 69; Абрамова М.П., Магомедов М.Г., 1980. С. 129, 134), а культурные слои поселений, включающие подобную керамику, I– III и IV–VI вв н.э. (Пикуль М.И., 1967. С. 158; Гмыря Л.Б., 1980. С. 125–131).

В публикациях имеется ряд неточностей относительно аналогий кувшинов с «пышным» орнаментом (См.: Гмыря Л.Б., 2000. С. 150–151 и настоящую статью).

Одной из причин ошибочных аналогий названным сосудам является недостаточно точное их описание в публикациях, как впрочем и некачественные иллюстрации их сопровождающие. Отсутствие типологической характеристики всей серии кувшинов с «пышным» орнаментом приводит к исключению из нее типологически однородных сосудов. Частично этот пробел

восполнен в ряде публикаций (*Гмыря Л.Б.*, 1980. С. 114–115, 120, 122; 1997. С. 18–19; 1998. С. 34–35).

Сложившееся положение затрудняет восприятие кувшинов с «пышным» орнаментом, происходящих из различных регионов, как однотипных сосудов. Это обуславливает установление несоответствующих аналогий, ошибочных центров производства этих сосудов, а также истоков культурного влияния на характер их орнаментации. Мы считаем, что наиболее продуктивным направлением в решении проблем, связанных с кувшинами этого типа, является выявление этнокультурной среды, где названные сосуды являлись одним из компонентов культуры, что возможно через определение семантики их орнаментальной композиции и других деталей декора. Декор этих сосудов, несомненно, несет в себе ритуально-религиозную нагрузку, являясь знаковым выражением мировоззренческих представлений, господствовавших в обществе (*Гмыря Л.Б.*, 1997. С. 20; 1998. С. 35; 2000. С. 151).

Сосуды, украшенные «пышным» орнаментом имеют ряд характерных технологических особенностей, касающихся выделки и обработки внешней поверхности. Данные о них позволяют избежать ошибочного причисления к серии этих сосудов изделий иных типов, что имело место в литературе (*Абрамова М.П.*, 1987. С. 72; *Пишеничнюк А.Х.*, 1983. С. 131).

Форма сосуда. Высота целых и реставрированных сосудов в серии ограничивается пределами от 12,6 до 32 см. Сосуды из могильных комплексов имеют высоту до 26,5 см, но наиболее характерны высотные показатели 22,2–26,5 см. Тулово кувшинов – эллипсоидной формы, оно сильно расширено. Его диаметр превышает по значениям высоту тулова, приближаясь к высоте сосуда. Плечики тулова крутые и высокие, переход от горловины к тулову резкий. Придонная часть кувшинов высокая, по значениям равная $\frac{3}{5}$ высоты тулова. Горловина по форме прямая, у венчика слегка расширяется. Разница в показаниях диаметра горловины и венчика составляет, как правило, 1–2 см. Горловина у кувшинов высокая, составляющая более $\frac{1}{3}$ высоты сосуда, но узкая, равная примерно $\frac{2}{5}$ диаметра тулова. Донце сосудов плоское, иногда слегка вогнутое внутрь. Его параметры немного превышают параметры горловины, а у некоторых экземпляров равны им. Ручка крепилась в строго определенном месте: верхний конец – у основания горловины, примерно на 1 см выше линии соединения горловины с туловом, а основание ручки помещалось на плечиках. Месторасположение ручки – одна из характерных особенностей кувшинов с «пышным» орнаментом (Рис. 2–4, 6).

Технологические особенности. Горловина сосуда изготовлялась отдельно, на внутренней стороне некоторых сосудов видны следы примазки горловины к тулову, но на одном из сосудов место их соединения тщательно сглажено. Ручка соединялась с сосудом посредством штырей, следы прикрепления ручки тщательно сглаживались, но у одного из сосудов штырь основания ручки выступал над внутренней поверхностью на 0,5 см. Стенки тулова кувшинов очень тонкие (0,3–0,5 см). В тесто добавлялась истолченная керамика. Поверхность сосудов лощилась. У одного из сосудов горловина и верхняя часть тулова покрыты вертикальными лощеными полосками, а придонная часть пересекающимися, беспорядочно нанесенными лощеными полосками. У другого – вертикальное лощение украшало горловину, а на придонной части сохранились следы сглаживания (горизонтальные тонкие полоски), производившегося при вращении сосуда. В процессе сглаживания оказались срезанными некоторые детали орнаментальной композиции, украшавшей верхнюю часть тулова сосуда. Цвет поверхности сосудов – серый с буроватым оттенком, черепок серого цвета, цвет истолченной керамики, добавленной в формовочное тесто, также серый.

Декорирование сосудов. Основными составляющими декора кувшинов являлись орнаментальные композиции, помещавшиеся в верхней половине тулова, и стилизованные ручки характерных форм.

На своеобразии орнамента, украшавшего кувшины данного типа, впервые обратил внимание И.В. Сеницин, обозначив его термином «богатый» (*Сеницин И.В.*, 1960. С.100). Вслед за ним В.Б. Виноградов, отмечая необычность орнамента кувшина из Темир-Хан-Шуры, определил его как «оригинальный» (*Виноградов В.Б.*, 1963. С. 89–90). Орнаментация этих сосудов была столь специфичной, что, несмотря на тысячекилометровые пространства, разделяющие местонахождение отдельных экземпляров, тип кувшинов легко узнаваем. М.Г. Мошкова отмечала стандартность орнамента этих кувшинов (*Мошкова М.Г.*, 1989. С. 181).

Основываясь только на материалах Андрейаульского городища, мы определили орнамент этих кувшинов как однотипный – тип 1 по нашей классификации (*Гмыря Л.Б.*, 1980. С. 122), условно

обозначив его термином «пышный», понимая под этим многообразие деталей орнаментальной композиции, а также некоторую вычурность изобразительного сюжета.

Коллекция кувшинов с «пышным» орнаментом позволяет провести более дробную классификацию орнаментов, выделив помимо основного типа и несколько подтипов, а также их разновидности. Как показали наши наблюдения, орнамент этого типа кувшинов является цельной композицией, несущей определенную смысловую нагрузку. Произвольное расчленение ее на отдельные элементы, исходя из технологических приемов, использовавшихся в процессе декорирования сосудов, нарушает связанность элементов в композиции, растушевывает ее оригинальность и лишает семантического содержания. Как отмечалось, М.П. Абрамова в поисках истоков орнамента этих кувшинов выделяла в композиции насечки и валики (*Абрамова М.П., 1979. С.47*), А.С. Скрипкин отнес «пышный» орнамент к разряду сложносоставных (11 вариант), главной особенностью которого назвал различные приемы выполнения: прорезные линии, насечки, наколки, валики, канавки и др. (*Скрипкин А.С., 1990. С. 162. Табл. 12*).

Основной тип орнаментальной композиции составлен из трех определяющих его элементов – косых насечек, резной ломаной линии и длинных тонких валиков с концевыми налепами. Каждый из элементов занимал на поверхности тулова кувшинов определенное место. Верхний уровень композиции составляла полоса из косых насечек, опоясывавшая основание горловины. Ниже по уровню, на плечиках некоторых сосудов помещались добавочные полосы из косых насечек. Средний уровень композиции занимала резная ломаная линия, располагавшаяся на линии перехода плечиков к широкой части тулова. Нижний уровень составляли тонкие, рассеченные косыми насечками, валики. Они занимали срединную, наиболее расширенную часть тулова. Валики распределялись по поверхности сосуда равномерно с одинаковыми интервалами. Верхние концы валиков отходили от внешних углов ломаной линии, их нижние концы находились на линии перехода средней части тулова в придонную. Концевые налепы имели, как правило, круглую форму, но у отдельных сосудов – каплевидную. В большинстве случаев налепы расплющены, но есть сосуды с рельефными концевыми налепами.

Орнамент основного типа разделен нами на три разновидности, различающиеся количественными показателями элементов верхнего уровня композиции.

Вид А. Основание горловины опоясывала одна полоса косых насечек. Насечки продолговатые, нанесены плотно. Орнаментальная композиция внутри вида различается количеством валиков, помещенных на тулове. При их минимальном количестве они крепились верхними концами к внешним углам ломаной линии, при их максимальном количестве валики отходили как от внешних, так и от внутренних углов ломаной линии (Рис. 2, 1, 3, 4, 11; Рис. 3, 7, 9; Рис. 4,1).

Вид Б. Верхний уровень орнаментальной композиции состоит из двух полос косых насечек. Верхняя полоса (продолговатые, частые насечки) опоясывала основание горловины), нижняя (короткие, частые насечки) располагалась на плечиках сосуда. В некоторых случаях верхний уровень композиции дополнялся одним или двумя рядами оттисков трубочки. Данный вид отличается наличием максимального количества валиков, отходящих от внешних и внутренних углов ломаной линии (Рис. 2, 2, 5, 9, 10; Рис. 3, 3; Рис. 6, 1–3).

Вид В. Верхний уровень орнамента состоит из трех полос косых насечек. Полоса из продолговатых частых насечек опоясывала горловину сосуда, еще две полосы (редкие короткие насечки и частые короткие насечки) располагались на плечиках сосуда. Орнамент внутри вида различается количеством валиков, помещенных на тулове. При их минимальном количестве они крепились к внешним углам ломаной линии, при максимальном – к внешним и внутренним углам ломаной линии (Рис. 2, 6, 7).

Помимо основного типа «пышного» орнамента на некоторых сосудах выявлены своеобразные вариации на основную тему сюжета, т.е. использование в орнаменте отдельных сюжетов основного типа. Нами выделено три подтипа орнаментов.

Подтип 1. Орнаментальная композиция включала два элемента: косые насечки и ломаную линию, т.е. верхний и средний уровни орнаментальной композиции основного типа (Рис. 2, 9; Рис. 3, 2–4; Рис. 4, 2).

Подтип 2. Орнаментальная композиция включала также два элемента: косые насечки и вертикальные валики, т.е. верхний и нижний уровни орнаментальной композиции основного типа (Рис. 2, 11; Рис. 3, 7; Рис. 4, 6; Рис. 6, 4).

Подтип. 3. Декор тулова кувшинов включал в себя только дополнительные детали орнаментальной композиции, характерные для подтипа 1 – налепы круглой или кольцевидной формы (Рис. 6, 5).

Заключая характеристику орнаментальных композиций кувшинов с «пышным» орнаментом, необходимо отметить, что сведения некоторых авторов о деталях композиций носят искаженный характер. Валики описываются как линии из косых насечек (*Пишеничнюк А.Х.*, 1983. С. 119), круглые налепы на их концах как кисти (*Виноградов В.Б.*, 1963. С. 89–90), ломаная линия как рельефные треугольники, украшенные косой насечкой (*Абрамова М.П., Магомедов М.Г.*, 1980. С. 136–137).

Ручки сосудов с «пышным» орнаментом являлись, на наш взгляд, неотъемлемой частью декора кувшинов, наряду с орнаментальной композицией. Они имели специфическую форму. Однако мало кто из исследователей отметил эту особенность. И.В. Синицин описал ручку одного из сосудов как «широкая», другого – как «массивная» (*Синицин И.В.*, 1959. С. 91; 1960. С. 100). А.С. Скрипкин причислил ручки этих сосудов к разряду овально-вытянутых (*Скрипкин А.С.*, 1990. С. 37. Табл. 4, сосуды В24 и М9). Впервые на особый характер оформления ручки сосуда с «пышным» орнаментом из Большого Буйнакского кургана обратил внимание А.А. Захаров, обозначив ее термином «trilateral» (трехсторонняя) (*Zakharov A.A.*, 1930. Р. 202). Н.Д. Путинцева, описывая керамику с «пышным» орнаментом Бавтугайского поселения, обозначила ручки от этих сосудов как «ручки с тремя продольными ребрами» (*Путинцева Н.Д.* Отчет за 1958 г. С.25) и «ручки с тремя продольными валиками» (*Путинцева Н.Д.*, 1961. С. 48, 60). Также их обозначали М.П. Абрамова и М.Г. Магомедов (*Абрамова М.П., Магомедов М.Г.*, 1980. С. 135, 137; Магомедов М.Г., 1994. С. 36).

Нами при характеристике керамики Андреяульского городища было выделено два типа ручек, которыми снабжались кувшины с «пышным» орнаментом (*Гмыря Л.Б.*, 1980. С. 115, 120. Рис. 8. [11–17]). Анализ формы ручек всей серии подтвердил справедливость нашей классификации. Сосуды с «пышным» орнаментом имеют две формы ручек, обусловленных особенностями их внешней поверхности.

Внешняя поверхность ручек первого типа оформлена в виде трех продольных валиков, расположенных по бокам ручки и в ее средней части. Относительные размеры валиков различны. У ручек некоторых сосудов они равновеликие, иногда срединный валик превышает по высоте боковые или боковые валики почти не выражены. Имеются также экземпляры ручек, у которых резко выступающий срединный валик в верхней части ручки снабжен фигурным уплощенным выступом, напоминающим по форме гребень некоторых видов птиц (Рис. 2, 1, 9, 10; Рис. 3, 1, 2, 6, 10; Рис. 4, 3–5, 7–9; Рис. 5, 3–5, 9–10). Это обстоятельство и позволило нам обозначить первый тип ручек условным термином «гребенчатые» (*Гмыря Л.Б.*, 1980. С. 120). Гребенчатые ручки украшались насечками, располагавшимися по обе стороны от срединного валика, у многих экземпляров насечки нанесены и по боковым граням.

Внешняя поверхность ручек второго типа оформлена в виде двух рельефных валиков, расположенных по бокам (Рис. 2, 2–6; 11; 3, 3; Рис. 4, 1, 10; Рис. 5, 2, 6; Рис. 6, 1–5).

Ручки некоторых сосудов с «пышным» орнаментом украшались дополнительными деталями:

1) тонкими валиками с концевыми налепами, которые прикреплялись к основанию ручки. Количество валиков было разным: 2, 3 и 4. Данные детали являлись составной частью орнаментальной композиции сосудов, включавшей элементы из валиков с концевыми налепами (основной тип и подтип 2 орнамента) (Рис. 2, 1, 3, 6, 10; Рис. 6, 1, 3);

2) налепами кольцевидной формы, которые прикреплялись по обе стороны от основания ручки. Данные детали являлись, как правило, составной частью орнаментальной композиции, включавшей верхний и средний уровни (подтип 1) (Рис. 2, 1, 2, 11);

3) налепами круглой формы, располагавшимися у основания ручки. Количество налепов разное: один – снизу от основания, два – по обе стороны от основания, три – по обе стороны от основания и снизу от него. Налепы круглой формы встречаются у сосудов с различным типом орнаментальной композиции (Рис. 4, 1).

Методическим просчетом при определении характера орнамента кувшинов является восприятие его исследователями не как цельной композиции, все части которой связаны единой сюжетной линией (идеей), а как комбинации, состоящей из ряда деталей, выполненных разнообразными технологическими приемами. Технология исполнения при данном методическом подходе является главенствующей и определяющей для исследователя.

Ярче всего, на наш взгляд, технологический подход в оценке орнамента сосудов обозначил А.С. Скрипкин. Орнамент лепной сарматской керамики исследователь разделил на три вида: простой, сложный и сложносоставной. Содержание каждого вида определяется количественными характеристиками: «Сложносоставной орнамент обычно образует орнаментальный пояс,

состоящий из деталей, выполненных различными приемами: прорезными линиями, насечками, наколками, валиками, канавками и др.» (Скрипкин А.С., 1990. С. 161–162). Для сложносоставного орнамента А.С. Скрипкиным выделено 11 вариантов (Скрипкин А.С., 1990. Табл. 12. Рис. 18). Орнамент описываемых в данной статье кувшинов отнесен исследователем к 11 варианту.

Приемы или способы орнаментации выдвигались на первое место и М.П. Абрамовой. Расчленив орнаментальную композицию кувшинов с «пышным» орнаментом на составляющие его элементы – рельефные налепы в виде валиков, круглые налепы, резной орнамент в виде прямых линий, косые насечки (Абрамова М.П., 1979. С. 47; Абрамова М.П., Магомедов М.Г., 1980. С. 135), автор таким образом определяла истоки культурного влияния в ремесленных традициях тех обществ, где перечисленные выше технологические приемы имели место.

Технологический подход в оценке сложных орнаментальных композиций, каковым является и орнамент кувшинов нашей серии, дробит целостность орнаментального мотива, лишает его сюжетного содержания, смысловой нагрузки. Тем самым теряется определенный вид исторического источника, включающий в себя, на наш взгляд, информацию как о художественном творчестве, так и данные о мировоззренческих представлениях населения.

Вопрос об этнокультурной принадлежности кувшинов с «пышным» орнаментом напрямую связан с определением центра их производства.

Вопрос о месте производства кувшинов с «пышным» орнаментом носит в научной литературе полемичный характер. Проблема сводится к выявлению этнокультурной среды, породившей столь специфически орнаментированные сосуды. На страницах изданий высказаны различные точки зрения относительно центра производства этих сосудов.

Положения исследователей сводятся к трем основным версиям о первичности ареала кувшинов с «пышным» орнаментом. Первичными признаются: 1. Левобережье нижнего течения Волги (Виноградов В.В., 1963; Пшеничнюк А.Х., 1983; Магомедов М.Г., 1990); 2. Подонье и Прикубанье (Мошкова М.Г., 1989; Скрипкин А.С., 1990); 3. Прикаспийский Дагестан (Абрамова М.П., 1979; 1980; 1987; Абрамова М.П., Магомедов М.Г., 1980).

Кувшины с «пышным» орнаментом с территории Заволжья непременно включаются специалистами в вещевой комплекс среднесарматской культуры, как один из составляющих ее компонентов (И.В. Синицин, К.Ф. Смирнов, А.Х. Пшеничнюк, М.Г. Мошкова, А.С. Скрипкин). В то же время большинство современных исследователей полагают, что эти сосуды попали к сарматам Поволжья из развитых экономических центров сопредельных территорий и их нахождение в сарматских погребениях демонстрирует лишь направление экономических связей сармат.

Основная часть серии этих сосудов происходит с территории Прикаспийского Дагестана, как отмечено выше. Но учитывая, что наиболее ранние дагестанские образцы моложе поволжских примерно на 150 лет, район нижнего течения р. Еруслан нельзя, вероятно, исключать из ареала первичного появления подобных кувшинов.

Первым на заволжские образцы кувшинов с «пышным» орнаментом как аналогии сосуду из Большого Буйнакского кургана указал В.В. Виноградов. Его тезис о том, что подобный орнамент «встречается на сарматской керамике первых веков н.э. в Поволжье» (Виноградов В.В., 1963. С. 90), со ссылкой на находки в Бережновском I, II и Политотдельском могильниках, стал хрестоматийным. Он повторяется исследователями в почти неизменном виде (Абрамова М.П., 1980. С. 3; Абрамова М.П., Магомедов М.Г., 1980. С. 135; Гмыря Л.Б., 1980. С. 128; Пшеничнюк А.Х., 1983. С. 131; Абрамова М.П., 1987. С. 70; Сергацков И.В., 1992. С. 141). И.В. Сергацков в качестве северокавказских аналогий кувшину из кургана 9 мог. Барановка I указал на работу В.В. Виноградова (Виноградов В.В., 1963) со ссылкой на рисунок кувшина из погребения Большого Буйнакского кургана, хотя в 1990 г. в «Нижеволжском археологическом вестнике» была опубликована наша статья с полной сводкой находок этих кувшинов в Дагестане и в других регионах (Гмыря Л.Б., 1990. С. 145–153. Рис. 1–5).

Учитывая все известные к настоящему времени обстоятельства (ареал, хронология, местонахождение основной части серии), мы считаем возможным предложить несколько версий по вопросу о первичности ареала кувшинов с «пышным» орнаментом.

1. Первичный ареал, возможно, располагался в Заволжье. Нахождение кувшинов с «пышным» орнаментом в каждой группе могильников низовьев Еруслана может свидетельствовать о зарождении новой традиции (религиозно-мировоззренческой, информационной или иной другой) в среде обитавшего в регионе населения. Малочисленность серии говорит о начальной стадии инновационного процесса. К.Ф. Смирнов полагал, что в районе нижнего течения Еруслана, на левобережье Волги находился племенной центр заволжских сармат. Ареал, контролируемой ими

территории, ограничивался населенными пунктами Бережновка, Молчановка, Потемкино и Политотдельское (*Смирнов К.Ф.*, 1959. С. 318). Видимо, неслучайно, что орнаментальная композиция кувшинов с этой территории в целом однотипна, различаясь незначительными деталями, и наиболее полна по содержащимся в ней деталям.

2. Предгорья Северо-Восточного Кавказа, а именно, долина среднего течения р. Акташ, являются вторичным ареалом кувшинов с «пышной» орнаментацией. Именно в новом регионе основная семантическая идея орнаментальной композиции получила дальнейшее развитие. Смешанный характер складывавшейся в первые века н.э. культуры Прикаспийского Дагестана, основанный на культурных традициях местных и пришлых племен, породил многообразие вариантов основного сюжета (основной тип и все подтипы).

Исследователи отмечают, что начиная со II в. до н.э. наблюдается экспансия сарматских племен с их исходной территории, которой являлся нижневолжский регион (*Скрипкин А.С.*, 1990. С. 192–193). Одним из направлений их перемещений становится южное – Восточное Предкавказье и Северный Кавказ. Основная роль в сарматизации населения этих районов в последние века до н.э. – первые века н.э. исследователями отводится сиракам и аорсам (*Скрипкин А.С.*, 1990. С. 220). Причем районы Северо-Западного Прикаспия находились, как признается, под влиянием верхних аорсов (*Скрипкин А.С.*, 1990. С. 196). Мы не исключаем продвижения верхних аорсов в первые века н.э. в северные районы Прикаспийского Дагестана, в том числе и в район среднего течения р. Акташ и участия их в формировании культуры, компоненты которой выявлены в нижнем слое Андреяульского городища и его могильников с захоронениями II–III вв. н.э.

3. Возможно, что районы Северо-Восточного Предкавказья (долина р. Акташ) были первичным местом зарождения и производства кувшинов этого типа. В Поволжье сосуды попадали с представителями местного этноса – женщинами, вступившими в брак с представителями населения Поволжского региона. Сосуд помещался в могилу, как ритуальная вещь ее владельца.

4. Прикаспийский Дагестан, возможно, входил в ареал среднесарматской культуры, являясь ее кавказским вариантом, характеризующимся как общими для всей культуры чертами, так и специфическими проявлениями в погребальной обрядности (каменные погребальные сооружения, коллективность захоронения, вторичность погребений), связанными с культурными традициями данной территории предшествующего периода.

В литературе установилось положение, что сарматы, будучи кочевниками (поселения на исконных сарматских территориях не найдены) не имели гончарного круга и вся качественная керамика в сарматских комплексах – привозная, произведенная в основном в керамических мастерских Северного Причерноморья, Прикубанья или Подонья. Но еще в 1959 г., публикуя первые материалы из обширных раскопок в Заволжье, К.Ф. Смирнов с большой уверенностью предполагал, что сарматы могли производить лощенную посуду. Он писал: «Вполне вероятно, что значительная часть лощеной посуды, аккуратно сформированной на подставке, изготовлялась на месте. Находки античных монет на золотоордынских городищах Волги дают право предполагать, что здесь были поселения и в сарматское время; в них могли изготавливать посуду, ряд металлических изделий и прочие вещи, определяющие местный характер сарматской материальной культуры Поволжья» (*Смирнов К.Ф.*, 1959. С. 321). Несмотря на то, что поселения сармат пока не обнаружены, игнорировать мнение К.Ф. Смирнова, видимо, не стоит. В Прикаспийском Дагестане основная часть раннесредневековых поселений и городищ, расположена на месте поселений сарматского времени I–III вв. Влияние сарматской культуры, в первую очередь мировоззренческих представлений, прослеживается не только на некоторых элементах погребальной обрядности (Крупнов Е.И., Смирнов К.Ф., Абрамова М.П.), но оно затронуло многие стороны жизнедеятельности местного населения, в том числе не могло не сказаться на основных производствах – керамическом деле, изготовлении оружия и ювелирных украшений. В частности, в гончарстве утвердилась единая технология изготовления и обжига сосудов, что привело к установлению единообразной цветовой гаммы керамики (серый, черный), изменился и основной набор керамических изделий, применявшихся в быту, используемых в качестве ритуальных сосудов или входивших в состав погребального инвентаря. Появились новые орнаментальные композиции, как полагают, украшавшие сосуды, но видимо, в большей степени фиксировавшие определенные информативные знания и идеологические представления, господствовавшие в обществе.

Разработки по проблемам истории и культуры сарматов показали, что в формировании сарматских культур участвовало как пришлое, так и местное население определенных районов. А.С. Скрипкин справедливо полагает, что «пришлое население определяло, как правило, новые

черты в материальной культуре и погребальном обряде, местное – способствовало сохранению ряда старых традиций...» (*Скрипкин А.С.*, 1990. С. 223).

Вопрос о функциональности кувшинов, украшенных «пышным» орнаментом, никем практически не ставился. Исходя из сложности их орнаментальной композиции, насыщенности ее деталями, тщательности оформления внешней поверхности, оригинальности ручек, можно предположить, что эти сосуды использовались в ритуальной практике. Возможно также, что орнаментальная композиция сосудов несет в себе ритуально-религиозную нагрузку, являясь знаковым выражением мировоззренческих представлений, господствовавших в обществе. Вопрос о семантике орнамента и других декоративных деталей этой группы сосудов также никем не поднимался, хотя предпринимались попытки выявить прототипы орнаментальной композиции.

Хотя исследователи и не рассматривали семантику орнаментальной композиции, однако пытались определить реальные аналогии отдельных ее деталей. Так, основная часть композиции – вертикальные валики, рассеченные косыми насечками, определяются исследователями в основном как аналог веревочек (*Захаров А.А.*, 1930. Р. 202; *Смирнов К.Ф.*, 1959. С. 274; *Виноградов В.Б.*, 1963. С. 89–90; *Мошкова М.Г.*, 1989. С. 181), реже шнуров (*Абрамова М.П.*, 1980. С. 115; *Абрамова М.П.*, *Магомедов М.Г.*, 1980. С. 136–137). Концевые налеты валиков обозначены по-разному – кружки (*Синицин И.В.*, 1960. С. 100), кисти (*Виноградов В.Б.*, 1963. С. 89–90), узелки (*Мошкова М.Г.*, 1989. С. 181). На наш взгляд, рассмотрение рассеченных валиков, как имитаций висящих веревок, в какой-то степени намечает пути смыслового понимания орнаментального сюжета сосудов этого типа.

В этом же ключе возможно восприятие и утверждения В.Б. Виноградова о том, что данный орнамент «является репликой знаменитых прикубанских стеклянных кубков, декорированных по венчику золотой пластиной, со свисающими вниз золотыми же цепочками» (*Виноградов В.Б.*, 1963. С. 90). Речь идет о стеклянных кубках из Северского Кургана в золотых оправках (*Смирнов К.Ф.*, 1953. С. 9–12. Табл. 1–4). Некоторую долю такой вероятности (Северские кубки как прототипы кувшинов с «пышным» орнаментом) предусматривала со ссылкой на В.Б. Виноградова и М.П. Абрамова (*Абрамова М.П.*, *Магомедов М.Г.*, 1980. С. 135). В.Б. Виноградов, автор этой идеи, не считал возможным объяснить ее содержание, но, вероятно, он имел в виду типологическое сходство орнаментальных композиций стеклянных кубков и керамических кувшинов, т.е. идентичность деталей их включающих.

Типологическая схожесть декоративного убранства северских стеклянных кубков и кувшинов с «пышным» орнаментом действительно просматривается. Коллекция кубков с золотой оправой из каменной гробницы Северского кургана состоит из двух стеклянных сосудов в оправках и обломка кубка без оправы. В инвентаре имелось также еще четыре золотые оправы кубков (*Смирнов К.Ф.*, 1953. Табл. 1, 2, 5).

В общей сложности в погребении представлено четыре целых верхних оправ стеклянных кубков. Они однотипны по композиции, но различаются некоторыми деталями. Приведем их описание, данное К.Ф. Смирновым. Большой стеклянный кубок: «Стеклянный кубок в золотой оправе. Сосуд из литого зеленоватого прозрачного стекла в форме греческого скифоса с двумя вертикальными прорезными ручками ... Бортик, ручки и поддон оправлены тонкими листами желтого золота. Оправа бортика состоит из ленты шириной 2,5 см, нижний край которой вырезан в виде зубчиков. Сверху и снизу она охвачена поясками из трех золотых проволочек: гладких – по краям и плетеной – в середине ... Между этими сканными шнурами – треугольные прорезы, обрамленные по бокам кручеными проволочками в виде восьмерок. Между прорезами расположены попеременно 11 полусферических зерновых репьев и 10 неграненых гранатов овальной и миндалевидной формы ... в золотых гнездах. Зубчики нижнего бордюра выпуклы и обрамлены кручеными проволочками. Выше зубчиков над сканным шнурком идет более толстая гладкая золотая проволочка с круглыми петельками, к которым прикреплены золотые плетеные цепочки, снабженные яйцевидными бусами из светло-розового сердолика, а на концах – золотыми дутыми шариками. Всего цепочек было 36 ... Золотые сканные шнуры охватывают ручки сосуда у их основания сверху и снизу, а также в двух местах посередине. Оправа поддона снизу имеет рельефный узор в виде розетки с 8 узкими перистыми лепестками ... Все накладные орнаменты припаяны золотом к поверхности обкладки» (*Смирнов К.Ф.*, 1953. С. 9–10. Табл. I, III, IVa). Цепочки сплетены из 8 проволочек, они вместе с подвесками имели длину, равную высоте тулова кубка.

Малый стеклянный кубок: «...Оправа бортика, шириной 2 см, отличается от оправы первого сосуда отсутствием треугольных прорезей. Остальные детали орнамента те же. Золотых репьев 10, красных... вставок 9, ...30 золотых цепочек ... С обеих сторон ручек припаяны петельки, к

которым подвешены цепочки с сердоликовыми и золотыми бусинами – по две цепочки у каждой ручки ... Золотая оправа поддона украшена рельефным орнаментом в виде пяти-лепестковой розетки» (*Смирнов К.Ф.*, 1953. С. 10–11. Табл. II, IVб) (Рис. 7, 1).

Найденные без сосудов две верхние золотые оправы, по описанию К.Ф. Смирнова, «...представляют собой зубчатые обручи шириной 1,3 см ... По середине обруча идет сканный шнурок из трех проволок: плетеной – посередине и гладких – по бокам ... К нижним гладким проволокам припаяны круглые петельки, к которым подвешены плетеные цепочки с золотыми полыми шариками на концах. У одной оправы таких цепочек 26, у другой – 25. От зубчатого обруча спускаются вниз 6 зубчатых золотых пластинок, припаянных с внутренней стороны на равных расстояниях друг от друга» (*Смирнов К.Ф.*, 1953. С. 11. Табл. Va) (Рис. 7, 2). «Нижние оправы имеют вид зубчатых ободков шириной 0,7 см» (*Смирнов К.Ф.*, 1953. С. 11. Табл. IVб).

Типологическое сходство декора северских кубков и керамических сосудов с «пышным» орнаментом состоит в одинаковом наборе деталей композиции: горизонтальные полосы из зубчиков у стеклянных кубков – ломаная линия на керамических образцах; полусферические рельефные фигуры у кубков – круглые отпечатки трубочки на керамических образцах; горизонтальные пояски из плетеных проволочек у кубков – косые насечки и семечковидные вдавления на керамических образцах; свисающие длинные цепочки, сплетенные в виде косичек у кубков – тонкие вертикальные валики с имитацией плетения на керамических образцах; шарообразные концевые подвески на цепочках у кубков – круглые и каплевидные концевые налеты вертикальных валиков на керамических образцах; цепочки с круглыми подвесками из шариков по бокам ручки у кубков – валики с имитацией плетения с каплевидными налетами в основании ручек на керамических образцах; вертикальные зубчатые пояски у кубков – вертикальный зигзаг на горловине и ручках у некоторых керамических сосудов.

Сходство столь большого количества деталей декора северских кубков и керамических кувшинов с «пышным» орнаментом, по нашему мнению, может свидетельствовать не столько о первичности первых и подражательности орнамента у вторых, сколько об общности мифологического сюжета, отраженного художественными средствами в орнаментальных композициях, как северских стеклянных кубков, так и керамических сосудов названных регионов. Дополнительным аргументом в пользу такой оценки может служить хронологическая близость северских кубков и наиболее ранних образцов кувшинов с «пышной» орнаментацией. Погребение Северского кургана с кубками, декорированными золотыми цепочками, датируется началом I в. до н.э. (*Смирнов К.Ф.*, 1953. С. 40), а ряд погребений с пышноорнаментированными кувшинами (Заволжье, Башкирия) отнесены к I в. до н.э. – II в. н.э.

Сходство проявляется не только в наборе деталей орнаментов, но и в идентичности их компановки – трехчленная композиция с одинаковой последовательностью расположения орнаментальных зон.

К.Ф. Смирнов определял функциональное назначение северских кубков как предметов ритуального назначения, как сосудов сакрально-ритуальных (*Смирнов К.Ф.*, 1953. С. 22, 25). Считая мастеров-ювелиров, выполнивших золотые оправы, выходцами из местной меотской среды, К.Ф. Смирнов при этом считал заложенные в их декоре идеи порождением значительного воздействия соседней с синдо-меотами сарматской культуры (*Смирнов К.Ф.*, 1953. С. 22). Д.С. Раевский определил золотой фалар с сюжетными композициями, входивший в состав инвентаря погребения Северского кургана, изделием среднеазиатских торевтов, предполагая «близость верований среднеазиатских народов и сарматов» (*Раевский Д.С.*, 2000. С. 449).

Анализируя керамический набор нижнего слоя (I–III вв. н.э.) Андрейаульского городища, в котором кувшины с «пышным» орнаментом явились ведущим типом в функциональной группе сосудов, мы также отмечаем значительное идеологическое влияние сармато-аланского пришлого населения на культуру аборигенного населения в районе Терско-Сулакского междуречья (*Гмыря Л.Б.*, 1980. С. 128).

Выше отмечалось, что попытки выявить прототипы кувшинов с «пышным» орнаментом, используя технологический метод исследования орнамента (приемы и способы орнаментации), не могут считаться продуктивными. Расчленение орнаментальной композиции на отдельные составляющие по признаку, определяемому способом исполнения деталей орнамента – лепка, нарезка, насечка, вдавления и т.д., лишают ее смыслового содержания. Выводы, основанные на таком подходе, в свою очередь искажают и запутывают суть проблемы.

В литературе утвердилось положение о появлении «пышного» орнамента под влиянием керамических традиций Кавказской Албании. Впервые оно было высказано как предварительный

вывод в информативной заметке о результатах раскопок Андреяульского городища и его некрополей в 1976 г. Авторы исследования на городище и могильниках утверждали, что керамика нижнего слоя городища, датируемого II–III вв. н.э., аналогична керамике памятников Кавказской Албании, а культура I этапа городища признавалась местной, но развивавшейся под влиянием культурных традиций Кавказской Албании (*Магомедов М.Г., Абрамова М.П., Гмыря Л.Б., 1977. С. 108–109*). Тщательный анализ керамики Андреяульского городища, проведенный позднее, позволил нам придти к иным выводам (*Гмыря Л.Б., 1980. С. 128*).

М.П. Абрамова в последовавших публикациях развила и конкретизировала положение об албанских истоках «пышного» орнамента. Она отмечала, что влияние закавказских традиций «в первую очередь проявляется в способах орнаментации сосудов (валики, насечки), широко распространенных на албанской керамике» (*Абрамова М.П., 1979. С.47*). В качестве прототипов кувшинам с «пышным» орнаментом М.П. Абрамова указала на некоторые кувшины из Мингечаура (*Абрамова М.П., 1979. Рис. 5 [14–16]*). Однако ни по своим формам, ни по типам орнамента (налепы в виде змей, круглых дисков, косые валики на тулове) эти сосуды, на наш взгляд, не могут считаться первичными образцами, легшими в основу производства кувшинов с «пышным» орнаментом. Общими в них является только рельефность некоторых деталей орнаментов, достигавшаяся приемом крепления их на поверхность сосудов. Что касается одного из сосудов – с трубчатым носиком и круглыми налепами, покрывавшими сплошь его тулово, то исследователи материальной культуры Кавказской Албании отмечают, что сосуды эти были светлых цветов и характерны они только для конкретного региона (бассейн р. Куры и южные склоны Большого Кавказа) в период II в. до н.э. – II в. н.э., а в северо-восточных прикаспийских районах они не известны (*Халилов Дж.А., 1985Б. С. 111. Табл. VII [2]*).

Этот же вывод (об албанских традициях в производстве сосудов с «пышным» орнаментом) был повторен в совместной с М.Г. Магомедовым статье, посвященной происхождению культуры Андреяульского городища (*Абрамова М.П., Магомедов М.Г., 1980. С. 136*). В качестве обоснования позиций указывалось не только на идентичность технологических приемов, но и как весомый аргумент – глубокая древность этих способов на территории Кавказской Албании со второй половины I тыс. до н.э. В другой своей работе М.П. Абрамова, оставаясь на прежних позициях, отмечала «влияние керамических традиций Кавказской Албании, сказавшемся на своеобразии форм и орнамента» кувшинов с «пышным» орнаментом, при этом подчеркивалось высококоразвитость этих традиций (*Абрамова М.П., 1987. С. 70–71*).

По данным исследователей, столовая керамика Кавказской Албании представлена керамическими сосудами, изготовленными большей частью без применения гончарного круга, круговые экземпляры – редки; наиболее характерным внешним видом сосудов является красный цвет, достигаемый специальным режимом обжига, распространенным приемом является также окрашивание поверхности красной краской, роспись орнамента красной краской, покрытие поверхности беловатым ангобом (*Халилов Дж.А., 1985А. С.98–99; 1985 Б. С. 107, 109. 110, 127*). Сосуды с серой и бурой поверхностью выявлены в прикаспийских районах, но лощеные экземпляры среди них редки (*Халилов Дж.А., 1985 А. С. 99; 1985 Б. С. 109*). Исследователи объясняют их нахождение в этом регионе сильным сарматским влиянием (*Халилов Дж.А., 1985 Б. С. 127*).

Рельефный орнамент в виде налепных полумесяцев, пуговок и змей Дж.А. Халилов определяет как специфический, присущий определенному типу кувшинов Ширванской зоны (*Халилов Дж.А., 1985 Б. С. 107*). Также только один тип ранней керамики Мингечаура и Ялойлутепе украшался врезными линиями, вдавлениями, изображениями кругов и налепными фигурками (*Халилов Дж.А., 1985 Б. С. 109*).

Одним из характерных приемов украшения албанской керамики являлась роспись поверхности кувшинов фигурками птиц, животных, деревьев или нанесение геометрических фигур, выполненных красной краской на светлом фоне поверхности (*Халилов Дж.А., 1985 Б. С. 110; 1985 А. С. 99*). Некоторые формы кувшинов (кувшины с клювообразными сливами) исследователи напрямую связывают с сарматским влиянием в регионе (*Халилов Дж.А., 1985 Б. С. 110; 1985 А. С. 99*).

Исходя из приведенных фактов, можно утверждать, что влияние культурных традиций Кавказской Албании на северные районы Прикаспийского Дагестана практически не прослеживается. Вся керамика Андреяульского городища – высококачественная, тонкостенная, изготовлена с применением гончарных механизмов (на донцах некоторых сосудов имелись рельефные отпечатки формовочной подставки (круг; круг с лучами, круг с крестом, квадрат с

крестом, лучи, группа параллельных линий и др.). Технология обжига единая, хорошо развитая – все сосуды темно-серого однородного цвета, без пятен и разводов иных оттенков. Поверхность большинства столовых и тарных сосудов залощена, некоторые типы орнамента также выполнялись посредством лощения (полоски, клетки, ромбы, пересекающиеся линии) (*Гмыря Л.Б.*, 1980. С. 105–134). Подобная керамика не характерна для исконных территорий Кавказской Албании, она появляется в I–II вв. н.э. только в северных районах, т.е. периферийных, окраинных (*Халилов Дж.А.*, 1985 Б. С. 127). Что касается непосредственно кувшинов с «пышным» орнаментом, то в керамическом комплексе Кавказской Албании не только нет прямых аналогий им, но и даже типологически близких. Мы полагаем, что утверждение об албанских традициях, повлиявших на формирование «пышного» орнамента дагестанских кувшинов, не обосновано фактическим материалом.

М.Г. Магомедов в последних работах отказался от идеи албанского влияния на местное производство керамики первых веков нашей эры, приверженцем которой он был (*Абрамова М.П., Магомедов М.Г.*, 1980. С. 135; *Магомедов М.Г.*, 1983. С. 122–123). В частности, появление кувшинов с «пышным» орнаментом в Прикаспийском Дагестане М.Г. Магомедов напрямую связывал с перемещением в район Терско-Сулакского междуречья племенного объединения берсил (*Магомедов М.Г.*, 1990. С. 56). Однако, кроме мифологизированных данных письменных источников о берсилах, иных фактов автор не привел.

Более тесные связи Прикаспийского Дагестана в позднеантичный и раннесредневековый период просматриваются на инвентаре материальной культуры с Северным Причерноморьем, причем как с крупными экономическими центрами, так и племенным миром (*Гмыря Л.Б.*, 2001. С. 289–311).

Существование в античный период тесных культурных и торговых связей между экономическими центрами Западного Прикаспия (Прикаспийский Дагестан) и Северного Причерноморья отмечалось в археологической литературе неоднократно. В археологических материалах Прикаспия понтинский импорт представлен в основном редкими и ценными изделиями – высокохудожественной керамикой, стеклянными сосудами для благовоний, бусами из фаянса и стекла, фибулами из цветных металлов. Но выделяется небольшая группа тождественных атрибутов, однако не относящихся, как представляется, к предметам обмена или торговых операций. Они являются специфическими орудиями труда – костяные проколки клиновидной формы с боковой выемкой (Паласа-сыртское и Бавтугайское пос., Дербент), костяные проколки из грифелевидных костей домашних животных (Паласа-сыртское пос., гор. Новая Надежда и Некрасовское), глиняные лепные грузила (Паласа-сыртское и Агачкалинское пос., городище Андрейаульское), каменная форма для отливки дисковидных зеркал (Паласа-сыртское пос.). Основные аналогии специфическим атрибутам (иглы, проколки, грузила) Западного Прикаспия находятся на территории Боспора. Проколки клиновидной формы с боковыми ушками, укрепленные в полу жилищ, использовались в качестве простейших станков для удержания первых ячей сети при ее изготовлении. Они могли также применяться как иглы при изготовлении изделий из кож.

Проколки из грифеливидных костей животных также являлись многофункциональными орудиями. Они служили шильями при пошиве изделий из кожи, спицами для плетения изделий из кожи и сухожилий. Грузила, вероятно, имели двойное применение – в ткацких станках для оттягивания нитей основы и в специализированной ловле осетровых рыб (*Гмыря Л.Б.*, 2001. С.290–306. Рис. 1–5).

Названные факты культурных параллелей Западного Прикаспия и Северного Причерноморья дают возможность поставить вопрос о схожести социально-экономических процессов и идеологического развития, характерных для периода поздней античности обоих регионов с одной стороны, и однородности населения, оказавшего приоритетное влияние на эти процессы, с другой. В степях Северного Причерноморья в конце античного периода обитали сарматские племена, наладившие тесные экономические и культурные контакты с населением античных городов. В раннем средневековье этот регион был занят гунно-булгарским населением, позднее – хазарским. В Прикаспийском Дагестане письменные источники отмечают в конце античного и в средневековый период обитание ирано-язычного и тюркоязычного населения (маскуты, гунны, булгары, савиры, хазары и др.) (*Гмыря Л.Б.*, 1995; 2009).

Общность идеологических представлений населения двух регионов в каждый из периодов обуславливала схожие культовые атрибуты, а также изобразительные сюжеты на них. Что касается кувшинов с «пышным» орнаментом, то они могут быть причислены к кругу ритуальных

сосудов, орнаментальная композиция которых несет в себе ритуально-религиозную нагрузку, являясь знаковым выражением мировоззренческих представлений, господствовавших среди населения. Через определение семантики их орнаментальной композиции и других декоративных деталей, на наш взгляд, возможно выявление этнокультурной среды, где кувшины с «пышным» орнаментом являлись одним из компонентов культуры длительное время (*Гмыря Л.Б.*, 1997. С. 20).

Определение смыслового содержания орнаментальной композиции кувшинов с «пышным» орнаментом весьма затруднительно, т.к. в ее основе лежит знаковая система, с помощью которой закодировано содержание изображения.

Ручки этих сосудов (гребенчатые и реберчатые) определялись М.Г. Магомедовым как зооморфные, сильно стилизованные, изображающие один из символов лошади – гриву. Суждение основано на символике косых насечек, покрывавших тело ручек (*Атаев Д.М., Магомедов М.Г.*, 1977. С. 134). Рельефные срединные валики на гребенчатых ручках могут быть восприняты как изображения хребтовой части с гривой (насечки по обе стороны). Конь играл важную роль во многих мифологических системах Евразии – как индоевропейских, так и тюрко-язычных народов. Конь являлся атрибутом ряда божеств, иногда – замещающим божество символом. С конем связывают символизм в индоевропейской традиции божества солнца, но также и бога грозы (*Иванов В.В.*, 2000. С.666). В мифологии древних тюрков (тюгу) конь определен как атрибут богов-посланников – бог путей на пегом коне и бог путей на вороном коне. Они осуществляли коммуникативную связь между Верховным божеством Тенгри и миром людей. Конь выступает как главное жертвенное животное, приносимое богу неба Тенгри-хану в религиозной системе населения «страны гуннов» Западного Прикаспия, в которой также были задействованы персонажи, идентичные идеологии тюрков-тюгу – боги путей (*Гмыря Л.Б.*, 2009. С. 351–368).

Семантика основного изобразительного сюжета, помещенного в верхней половине тулова кувшинов с «пышным» орнаментом, в качестве версии может быть рассмотрена как иллюстрирующая трехчастное членение мира, являющееся универсальным по сути. Небесная сфера (верхний мир) символически изображена в виде горизонтальных полос косых насечек, нанесенных по основанию горловины, иногда дополненных штампованными кружками. Нижняя граница небесной сферы передана ломаной линией (зигзагом), являющимся символом молнии. Зигзаг в мифологических системах символизирует молнию, огонь от молнии и плодородие (*Купер Дж.*, 1995. С. 101). Зигзаг имеет ту же символику, что гром и молния. Дождь, идущий только с раскатами грома, в некоторых странах вызвал ассоциацию грома с оплодотворяющими землю водами и питательной влагой с небес. Дождь, идущий с громом, считался оплодотворенным силой грома и потому более питательным (*Купер Дж.*, 1995. С. 63). В мифологии тюркоязычных народов Прикаспийского Дагестана (кумыки, терекеменцы) сохранилось проявление к весеннему дождю с громом, как равноценному маслу или золоту. У других народов Дагестана гром ассоциируется с оплодотворяющей силой (известна зигзаговидная орнаментика деревянных ларей для хранения зерна, ритуальные постукивания по ларю во время весенней грозы и др.). Молния – это оружие богов. Земная сфера (средний мир) ассоциируется со средней частью тулова сосуда с «пышным» орнаментом. В его пределы на небесных веревках, изображенных в виде тонких валиков, оттиск штампа на которых имитирует перекрученные нити или плетение, из верхнего мира опускается «добро», дарованное богами (круглые налепы на концах вертикальных валиков). Возможно, смысловую нагрузку несет в себе и расположение верхних концов вертикальных валиков, отходящих большей частью от острых углов зигзагообразной линии, а иногда – от острых и тупых углов. Подземная сфера (нижний мир) может ассоциироваться с придонной частью сосуда. Она оставалась неукрашенной или ложила бессистемно нанесенными лощеными полосками (мир хаоса). Канат (нить, веревка) осмысливаются в мифологиях многих народов как символ связи Неба и Земли (*Купер Дж.*, 1995. С. 128, 217). В этнографии угро-финских народов известна ритуальная практика жертвоприношений, выражающаяся в подвешивании на веревках жертвенных яств к деревьям в лесу. По генеалогическим преданиям древнемонгольских степных кочевников, сохранившимся в мифологии, одним из способов рождения вождя или предка является непорочное зачатие женщины от градины, упавшей после раската грома в рот женщины и ею проглоченной (*Неклюдов С.Ю.*, 2000. С. 170).

В качестве возможной типологической аналогии сюжетной композиции («пышный» орнамент) могут быть привлечены рисунки на шаманских бубнах с изображением вертикальной модели мира (Рис. 7, 3). Центральной композицией этих изображений является лук со стрелой, где стрела передана как антропоморфная фигура (столб, венчающийся круглой головой с ликом). Столб,

символизирующий древко стрелы и вместе с тем могучий торс божества, украшен зигзагом, составляющие которого покрывают всю его длину. Стрела пронзает все три уровня мира, ее основание покоится в нижнем мире, а голова в верхнем. Верхний уровень отделен от среднего тонкой горизонтальной линией, имитирующей одновременно распрямленные руки божества. Верхняя сфера наполнена изображениями светил (солнце, луна) и звезд, показанных в состоянии движения (изогнутые лучи). От горизонтальной линии отходят 9 коротких вертикальных линий (у зигзага на торсе божества изображено также 9 углов), на концах двух из них имеются ромбовидные фигурки со скругленными углами. В средней сфере изображены какие-то ритуальные сцены (рогатые животные в стоящей позе, человеческие фигурки в рогатых уборах в хороводе и отдельно, животные тянутся передними конечностями к свисающим на веревках «дарам»; пляшущие фигурки людей охватывают этот элемент изображения по кругу). Средний уровень ограничен снизу дугообразными линиями, символизирующими «космический лук» и радугу, пронзенную стрелой и, вероятно, землю. В нижней сфере помещено изображение дерева, коня с коновязью и несколько фигурок людей, в руках одного – бубен с аналогичным изображением. Семантика изображений на бубне большинством исследователей рассматривается как иллюстрирующая в символах схема модели мира (Ерофеева Н.Н., 2000. С. 76. Рис. 3 на С. 75).

Возможно, что сосуды с «пышным» орнаментом, получившие распространение в Прикаспийском Дагестане в сарматский период, а в других регионах конкретно связанные с погребениями сармат, также являлись культовыми атрибутами с символическими изображениями модели мира. Сохранение этого типа сосудов в последующий период (IV–VI) в культуре населения Прикаспийского Дагестана может свидетельствовать о восприятии этого символа новым населением (тюркоязычные народы) и о синкретичности идеологии в это время. Исходя из средоточия основной части коллекции сосудов с «пышным» орнаментом на Андрейаульском городище и прилегающих к нему могильниках, его следует признать культовым центром, влияние которого в первые века н.э. распространялось на значительную часть Прикаспийского Дагестана.

ЛИТЕРАТУРА

- Абрамова М.П. Большой Буйнакский курган // Археологические памятники раннесредневекового Дагестана. Махачкала: Институт ИЯЛ Даг. ФАН СССР, 1977. С. 54–73.
- Абрамова М.П. К вопросу о связях населения Северного Кавказа сарматского времени // СА. 1979. № 2. С. 31–50.
- Абрамова М.П. Буйнакский курган // Древние и средневековые археологические памятники Дагестана. Махачкала: Институт ИЯЛ Даг. ФАН СССР, 1980. С. 115–143.
- Абрамова М.П. Особенности культуры населения Дагестана в албано-сарматскую эпоху // СА. 1987. № 4. С. 59–73.
- Абрамова М.П., Магомедов М.Г. О происхождении культуры Андрейаульского городища // Северный Кавказ в древности и в средние века. М.: «Наука», 1980. С. 123–141.
- Атаев Д.М., Магомедов М.Г. Андрейаульское городище // Древности Дагестана. МАД. Т. 5. Махачкала: Институт ИЯЛ Даг. ФАН СССР, 1975. С. 121–139.
- Багаев М.Х. Культура горной Чечни и Дагестана в древности и средневековье. VI в. до н.э. – XII в. н.э. М.: «Наука», 2008. – 455 с.
- Виноградов В.Б. Сарматы Северо-Восточного Кавказа. Грозный, 1963. – 223 с.
- Гмыря Л.Б. Столовая керамика Андрейаульского городища (типология и стратиграфия) // Средневековые древности евразийских степей. М.: «Наука», 1980. С. 105–134.
- Гмыря Л.Б. Страна гуннов у Каспийских ворот. Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 1995. – 228 с.
- Гмыря Л.Б. Кувшины с «пышным» орнаментом: типологическая характеристика, ареал, хронология, функциональное назначение // Культуры степей Евразии второй половины I тысячелетия н.э. (вопросы хронологии). Тезисы докладов II Международной археологической конференции 17–20 ноября 1997 г. Самара: Самарский обл. ист.-краев. музей, 1997. С. 17–21.
- Гмыря Л.Б. Ареал кувшинов с «пышным» орнаментом // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 3. Волгоград: Изд-во Волгоградского университета, 2000. С. 145–158.
- Гмыря Л.Б. Античные параллели в материальной культуре населения Западного Прикаспия (специфические атрибуты) // Проблемы истории, филологии, культуры. Т. X. М.–Магнитогорск: Изд-во Магнитогорского государственного университета, 2001. С. 289–312.

- Гмыря Л.Б.* Особенности декорирования кувшинов с «пышным» орнаментом // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. В. VIII. Крупновские чтения. 1971–2006. – М.: Памятники исторической мысли; Ставрополь: Наследие, 2008. С. 617–618.
- Гмыря Л.Б.* Религиозные представления населения Прикаспийского Дагестана в IV–VII вв. Махачкала: «Наука – ДНЦ». – 540 с.
- Ерофеева Н.Н.* Лук // Мифы народов мира. Энциклопедия. Т. 2. М.: Научное изд-во «Большая Российская энциклопедия», 2000. С. 75–77.
- Иванов Вяч.Вс.* Конь // Мифы народов мира. Энциклопедия. Т. 1. М.: Научное изд-во «Большая Российская энциклопедия», 2000. С. 666.
- Купер Дж.* Энциклопедия символов. Серия «Символы». Кн. IV. М.: Изд-во Ассоциации Духовного единения «Золотой век», 1995. – 399 с.
- Магомедов М.Г.* Образование Хазарского каганата. М.: «Наука», 1983. – 225 с.
- Магомедов М.Г.* Живая связь эпох и культуры. Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 1990. – 134 с.
- Магомедов М.Г.* Хазары на Кавказе. Махачкала: Дагестанское книжное изд-во, 1994. – 168 с.
- Магомедов М.Г., Абрамова М.П., Гмыря Л.Б.* Исследование Андрейяульского городища // АО 1976 г. М.: «Наука», 1977.
- Мошкова М.Г.* Среднесарматская культура // Археология СССР. Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М.: «Наука», 1989. С. 177–191.
- Неклюдов С.Ю.* Монгольских народов мифология // Мифы народов мира. Энциклопедия. Т. 2. М.: Научное изд-во «Большая Российская энциклопедия», 2000. С. 170–174.
- Пикуль М.И.* Эпоха раннего железа в Дагестане. Махачкала: Институт ИЯЛ Даг. ФАН СССР, 1967. – 174 с.
- Путинцева Н.Д.* Отчет о работе II Бавтугайского отряда в зонах строительства Чирюртовской ГЭС в 1958 г. // Архив ИА РАН, 1958. Р - I, № 1842, 1842 а.
- Путинцева Н.Д.* Северо-Восточный Дагестан в эпоху раннего средневековья. Махачкала, 1961 // Рукописный фонд ИИАЭ ДНЦ, ф. 3. Оп. 3. д. № 113, 113 а.
- Пишеничник А.Х.* Культура ранних кочевников Южного Урала. М.: «Наука», 1983. – 200 с.
- Раевский Д.С.* Скифо-сарматская мифология // Мифы народов мира. Энциклопедия. Т.1. М.: Научное изд-во «Большая Российская энциклопедия», 2000. С. 445–450.
- Сергацков И.В.* Новые сарматские памятники северных районов Волгоградской области // Проблемы хронологии сарматской культуры. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1992.
- Синицин И.В.* Археологические исследования Заволжского отряда (1951–1953 гг.) // Древности Нижнего Поволжья (Итоги работ Сталинградской экспедиции). Т. I. МИА. №60. М., 1959. С. 38–209.
- Синицин И.В.* Древние памятники в низовьях Еруслана (по раскопкам 1954–1955 гг.) // Древности Нижнего Поволжья (Итоги работ Сталинградской экспедиции). Т. II. МИА. №78. М., 1960. С. 10–168.
- Скрипкин А.С.* Азиатская Сарматия (Проблемы хронологии и ее исторический аспект). Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1990. – 299 с.
- Смирнов К.Ф.* Курганы у сел. Иловатка и Политотдельское // Древности Нижнего Поволжья (Итоги работ Сталинградской экспедиции). Т. I. МИА, №60. М., 1959. С. 206–322.
- Смирнов К.Ф.* Северский курган. М.: Госкультпросветиздат, 1953. – 42 с.
- Халилов Дж.А.* Кавказская Албания // Археология СССР. Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. М.: «Наука», 1985А. С. 93–105.
- Халилов Дж.А.* Материальная культура Кавказской Албании (IV до н.э. – III в. н.э.). Баку: «Элм», 1985Б. – 236 с.
- Zakharov A.A.* Contributions to Caucasian Archaeology. A large barrow in Daghestan // Eurasia septentrionalis Antiqua. V. Helsinki, 1930. P. 183–216.

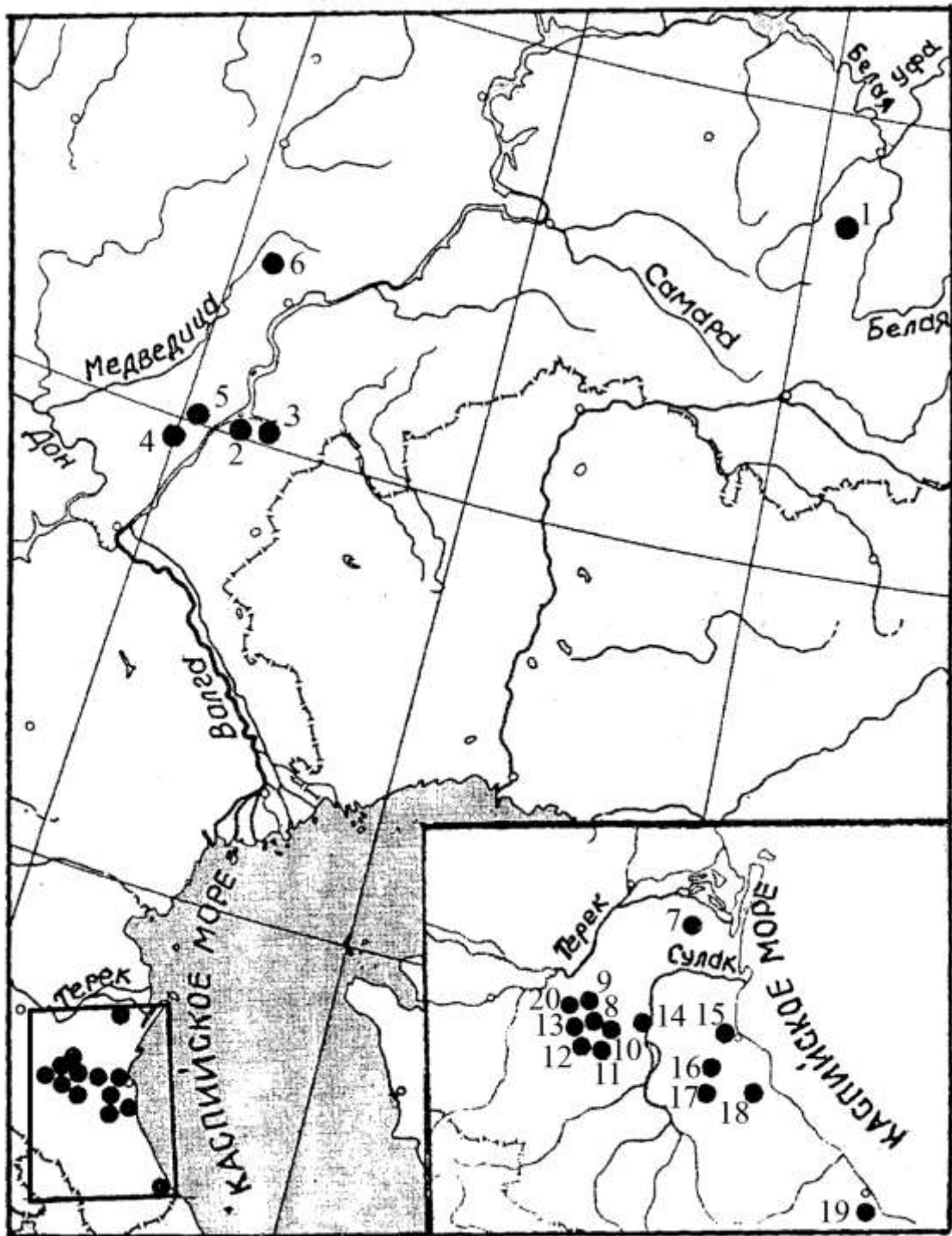

Рис. 1. Распространение кувшинов, украшенных «пышным» орнаментом.
 1 – Елембетово; 2 – Бережновка I, II; 3 – Политотдельское; 4 – Барановка I;
 5 – Лебяжье; 6 – Верхний Колышлей; 7 – Новая Надежда; 8 – Андрейаул, гор.;
 9 – Андрейаул I, кург. и грунт. могильники; 10 – Андрейаул II, кург.
 и грунт. могильники; 11 – Ленинаул; 12 – Казар-Кала; 13 – Аксай; 14 – Бавтугай;
 15 – Тарнаир; 16 – Буйнакск; 17 – Аркас; 18 – Карабудахкент; 19 – Паласа-сырт;
 20 – Галайты-2.

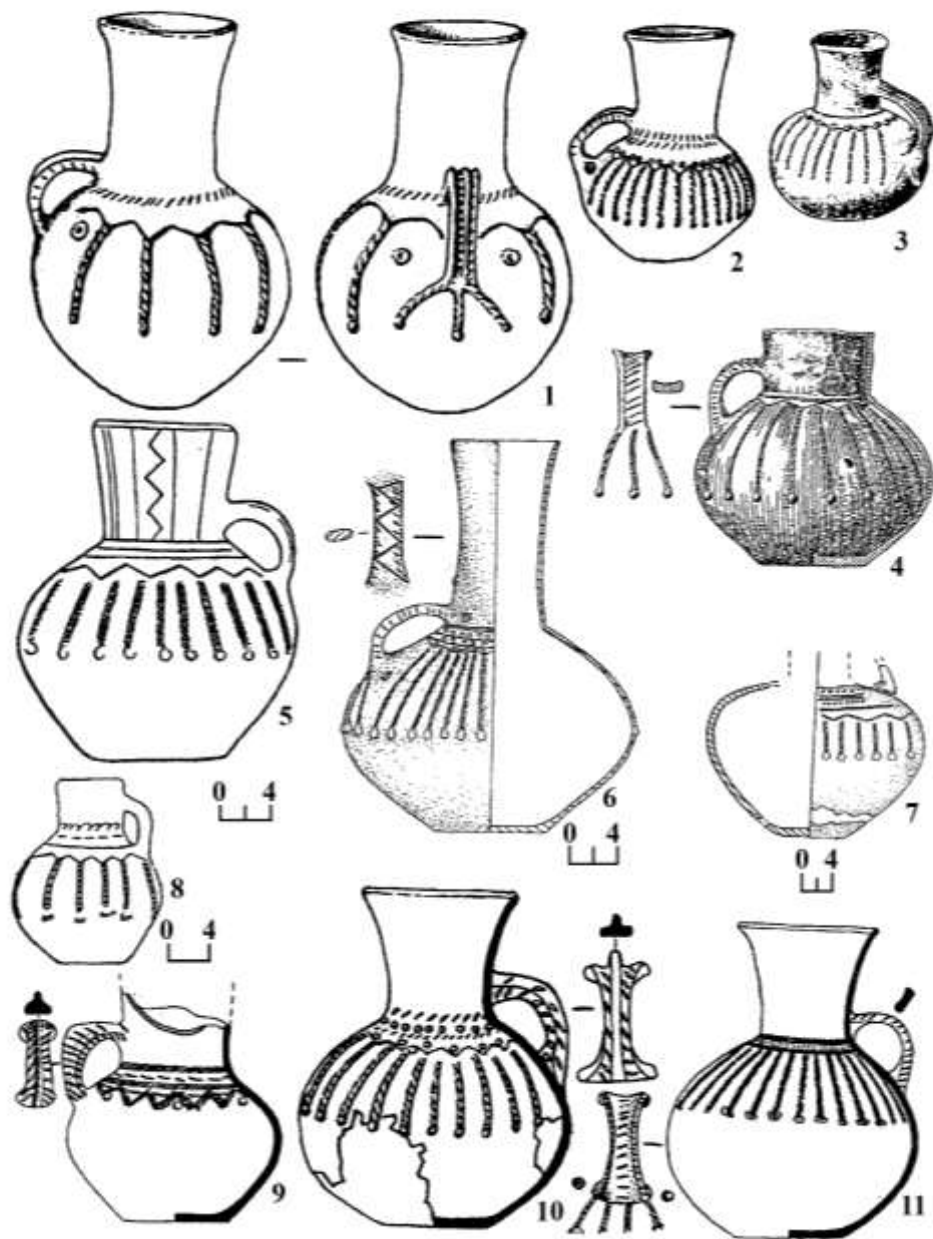

Рис. 2. Кувшины с «пышным» орнаментом.

1 – Бережновка I, кург. 30; 2 – Бережновка II, кург. 98; 3 – Елембетово, кург. 1, погреб. 3; 4 – Политотдельское, кург. 14; 5 – Верхний Кольшей, кург. 2; 6 – Лебяжье, кург. 8; 7 – Барановка I, кург. 9; 8 – Большой Буйнакский курган, погреб. 17; 9–11 – Андрейаул I грунт. мог.: 9 – погреб. 1 (1976 г.), 10 – погреб. 4 (1976 г.), 11 – погреб. 1 (1975 г.) (1, 2 – по И.В. Синицину, 3 – по «Археологическая карта Башкирии»; 4 – по К.Ф. Смирнову; 5 – по А.С. Скрипкину; 6, 7 – по И.В. Сергацкову; 8 – по А.А. Захарову; 10 – по М.Г. Магомедову и М.П. Абрамовой).

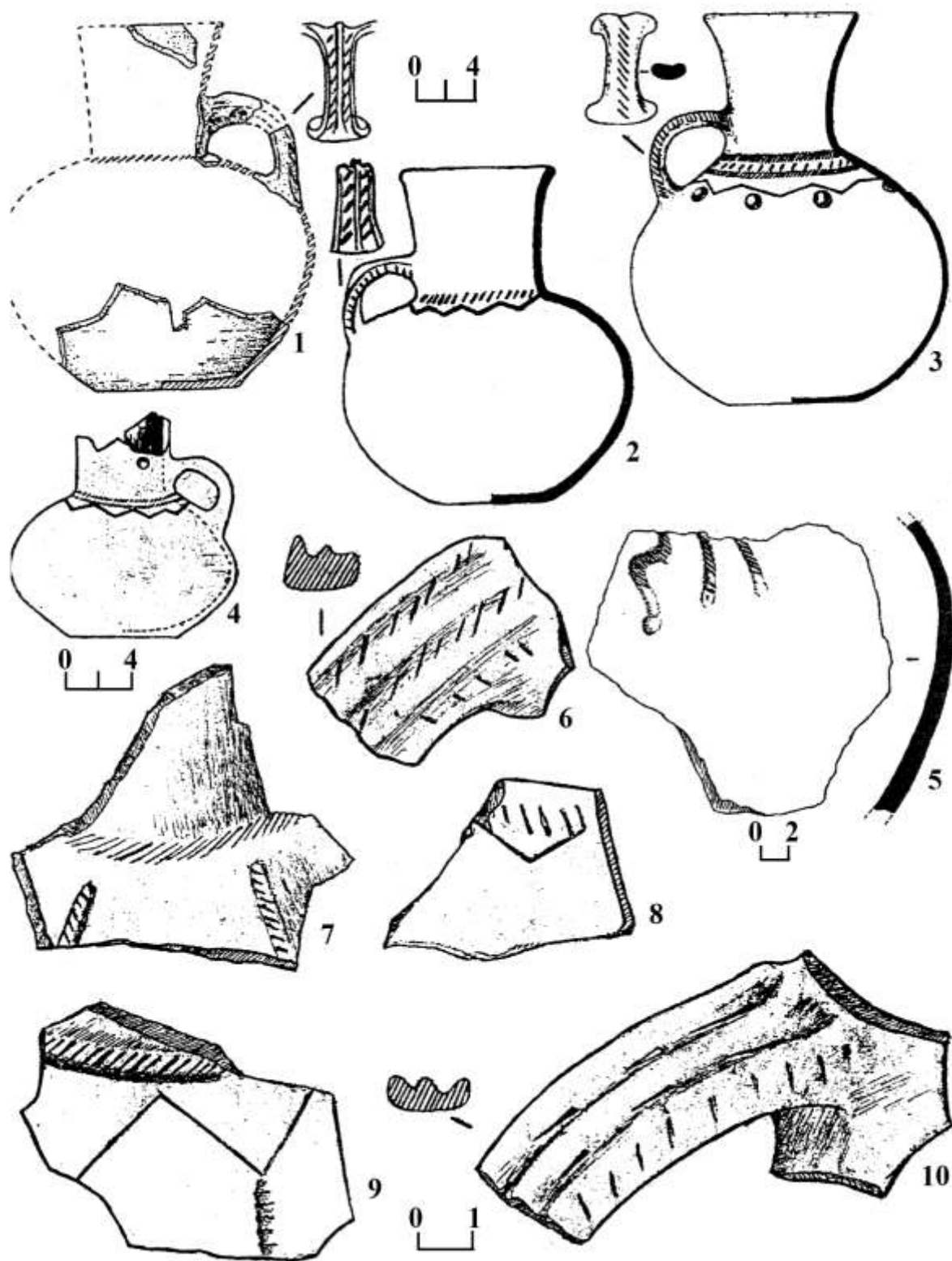

Рис. 3. Кувшины с «пышным» орнаментом.

1 – Андрейаул I, кург. могильник, погреб. 1 (1976 г.); 2–3 – Андрейаул: 2 – из траншеи (1976 г.), 3 – случ. находка (1996 г.); 4–5 – Ленинаул, погреб. 1; 6–10 – Карабудахкент I, погреб. слой (1, 2 – по М.Г. Магомедову и М.П. Абрамовой; 4 – по О.М. Давудову; 6–10 – по В.И. Марковину).

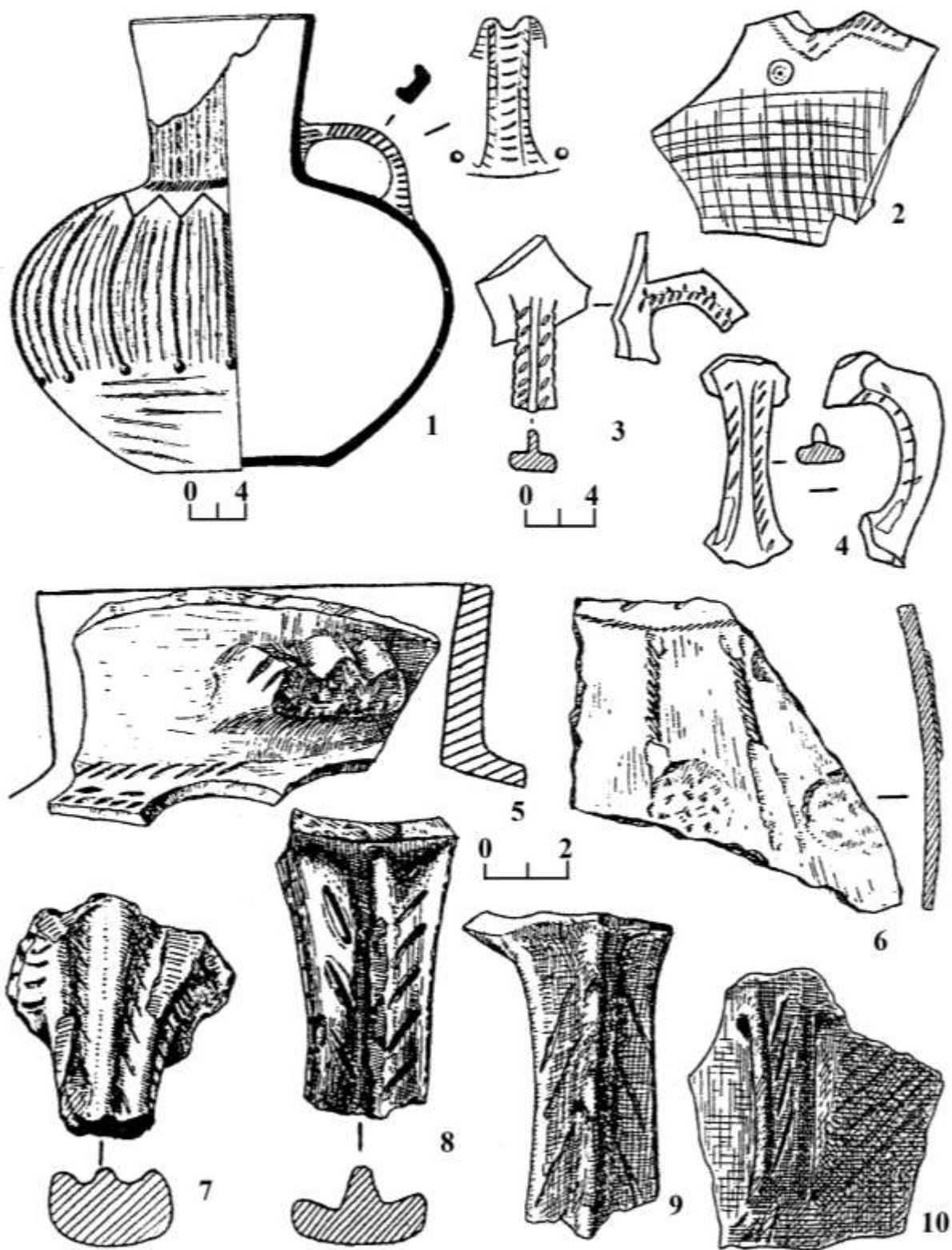

Рис. 4. Кувшины с «пышным» орнаментом.
 1–4 – Андрейаул, гор.; 5–10 – Бавтугай, пос.
 (5–9 – по Н.Д. Путинцевой; 10 – по М.И. Пикуль).

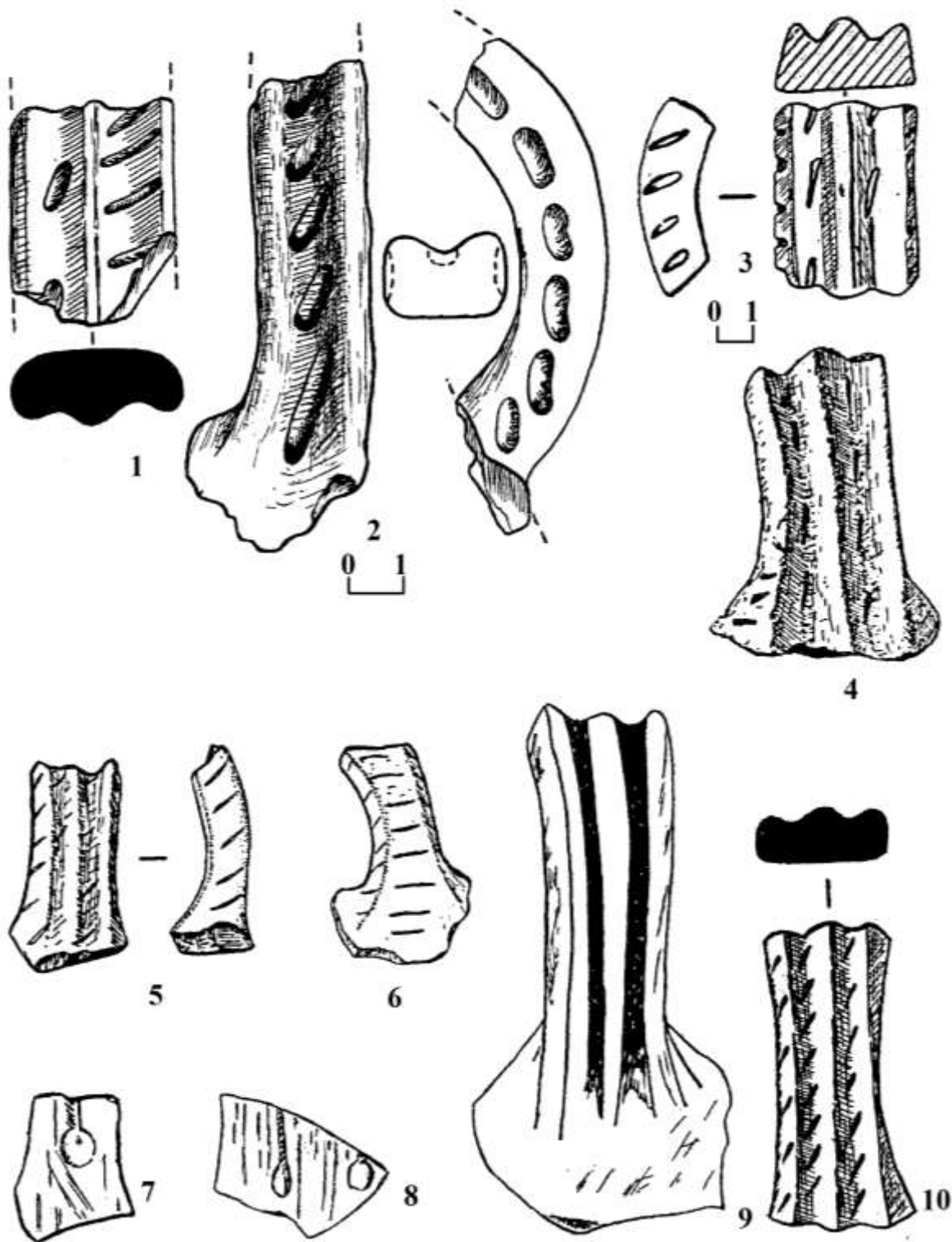

Рис. 5. Кувшины с «пышным» орнаментом.

1-3 – Тарнаир, пос.; 4 – Аркас, пос.; 5-9 – Новая Надежда пос.;
 10 – Паласа-сырт, пос. (3 – по В.Б. Виноградову; 4 – по М.И. Пикуль;
 5-8 – по Г.С. Федорову; 9 – по М.И. Пикуль).

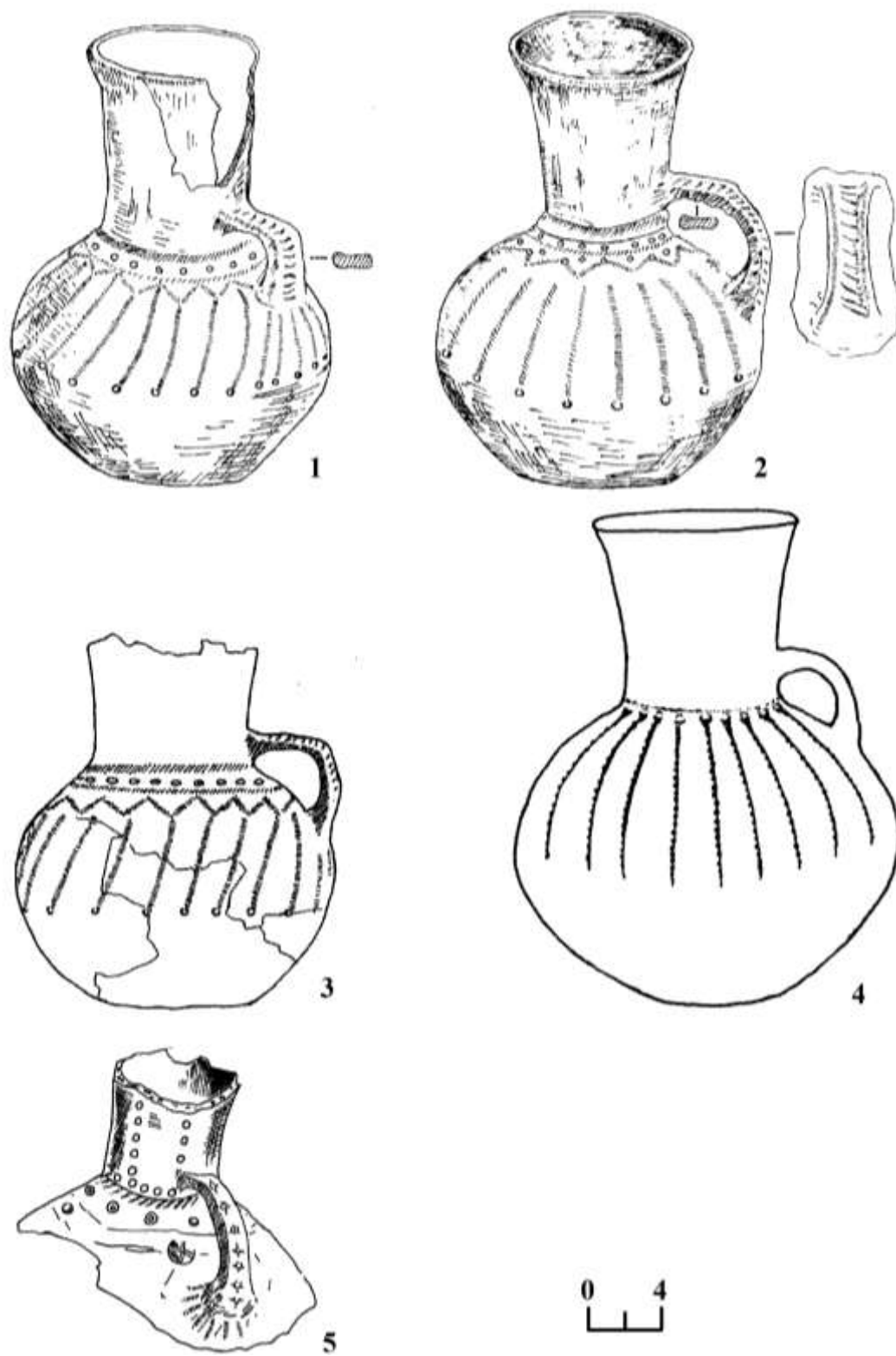

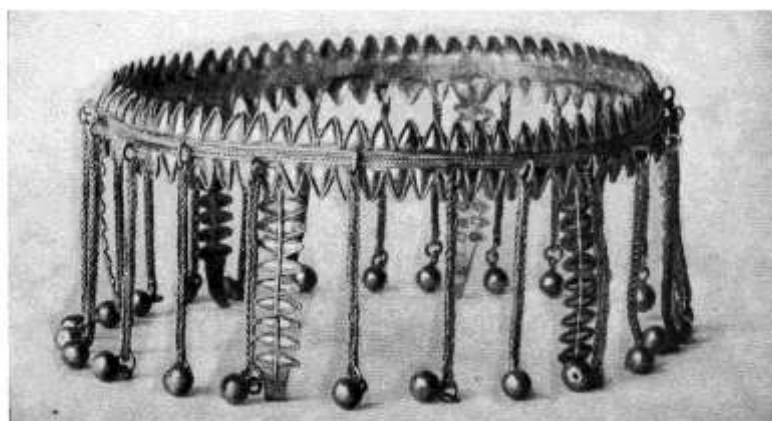
Рис. 6. Кувшины с «пышным» орнаментом.

1-5 – Галайты-2, грунт. мог.: 1-3 – погреб. 3 (5) (1974 г.),

4 – погреб. 66 (1985 г.), 5 – погреб. 6 (14) (1974) г. (1-5 – по М.Х. Багаеву).

1

2

3

Рис. 7. Золотые обкладки стеклянных кубков и рисунок на шаманском бубне.
1 – малый кубок с золотой оправой из погребения в Северском кургане;
2 – золотая оправа кубка из погребения в Северском кургане;
3 – алтайский бубен с изображением вертикальной модели мира
(1–2 – по К.Ф. Смирнову; 3– по: Мифы народов мира. Т. 2).

